

Рудольф Штейнер
Рождественское собрание для основания
Всеобщего Антропософского Общества
Из GA 260

Вступительная лекция Рудольфа Штейнера
24 декабря 1923 года, 11.15 до полудня

Перевод Е.Печалиной

Мои дорогие друзья!

Мы начинаем наше Рождественское собрание, посвященное основанию Антропософского Общества в новой форме, в созерцании резкого контраста. Мы были вынуждены пригласить Вас, мои дорогие друзья, посетить груды развалин. Взгляд, которым Вы прежде всего смогли вновь охватить наше место, поднявшись на Дорнахский холм, падает на груды развалин разрушенного год назад Гетеанума. И в самом истинном смысле слова это зрелище ведь является говорящим вглубь наших сердец символом внешнего откровения не только нашей работы, нашего устремления здесь и отсюда на антропософской почве в мир, но этот взор на груды развалин сегодня во многом симптоматичен для мировых соотношений вообще.

В последние дни мы должны были вновь в более узком кругу прежде всего посмотреть на вид развалин. И эта груды развалин ведь должна была бы в похожем настроении созерцаться нашими дорогими друзьями, как груды развалин ставшего нам в течение десяти лет таким дорогим и таким любимым Гетеанума. Мои дорогие друзья, возможно, все же может быть сказано, что большая часть тех самых импульсов, которые теперь уже в течение двадцати лет проходят через мир как антропософские импульсы, находится в тех, возможно, чересчур многих книгах, которые предстали перед миром прежде всего в философско-антропософском издательстве в Берлине. Вы поймете, поскольку ведь по истине двадцатилетняя работа была связана с тем, что объединяется под названием «Философско-Антропософское издательство», что и нечто из сердец тех, кто участвовал в основании и работе этого Философско-Антропософского издательства, причастно к этому. И точно также, как и в случае Гетеанума, стоим мы с этим Философско-Антропософским издательством по отношению к внешнему перед грудой развалин. В данном случае это случилось только потому, что внутри ужасных экономических отношений, господствующих в области, где до сих пор находилось это Философско-Антропософское издательство, в силу налоговых отношений, чрезмерно превосходящими все возможности, из-за всего этого волны эпохальных событий – это можно сказать в совершенно буквальном смысле – волны эпохальных событий сошлись над этим издательством.

И фрау д-р Штайнер в последние недели должна была заниматься тем, чтобы то, что было закреплено за этим Философско-антропософским издательством, подготовить к переезду сюда к Гетеануму, в Дорнах. И Вы уже видите здесь, между котельной и архитектурным бюро, возникло маленькое строение, которое в будущем должно это Философско-Антропософское издательство, то есть его книжный фонд, принять. Также и тут мы имеем частично то, о чем мы внешним образом прежде всего должны говорить как о груды развалин.

И разве можем мы что-то иное, мои дорогие друзья, нежели то, что породило эту груду развалин, связать с сегодняшними эпохальными событиями? Это уже стоит перед нами прежде всего как угнетающий образ. И хотелось бы сказать: То пламя, которое год назад в Новогоднюю ночь так ужасно полыхало здесь перед нашими физическими глазами и так изрезывающе перед нашими душевными очами, поднимаясь вверх в небесные выси, это пламя в его духовной основе мы все же видим над многим из того, что мы построили за последние двадцать лет.

Это, прежде всего образ, предстающий перед нашими душами. Но я должен сказать: Возможно, никому ни в чем другом в современности не могла столь непосредственно выступить навстречу истина древнего восточного мировоззрения, что внешнее является майей, иллюзией. И мы найдем правильное настроение, мои дорогие друзья, для этого Рождественского собрания, если мы сможем сделать подвижным в наших сердцах ощущение, что груда развалин, перед которой мы стоим, является майей, иллюзией, что многое из того, что нас здесь непосредственно окружает, является майей, иллюзией.

Вдумаемся в это, исходя из нашей самой непосредственной ситуации. Мы должны были пригласить Вас в этот деревянный барак. Мы должны были возвести его временно за два дня, так как лишь тут нам смогло стать ясно, сколько наших друзей появится в эти дни. Мы должны были этот временный деревянный барак соорудить рядом. И я ведь не буду первым, говоря: Эта внешняя оболочка нашего собрания не представляет ведь собой ничего иного, как приют среди развалин, как бедный, ужасающе бедный приют. Вчера интродукция началась с того, что наши друзья в том, что мы смогли им здесь предложить, ужасно замерзли. Но также и эту стужу, которая могла быть вызвана многим из того, что здесь встретило Вас, мои дорогие друзья, мы причислим к тому, что является майей, иллюзией. И чем больше мы сможем свыкнуться с тем настроением, что то внешнее, что нас здесь окружает, является майей, иллюзией, тем лучше мы разовьем то деятельное настроение, в котором мы будем нуждаться здесь в ближайшие дни, то настроение, которое никоим образом не может быть негативным, то настроение, которое в каждой частности должно быть совершенно позитивным. И я хотел бы сказать: Сейчас, спустя год после того, как огненные языки пламени выбились наружу здесь из куполов нашего Гетеанума, да будет позволено сейчас нам явить то, что в духовном строилось в течение двадцати лет существования антропософского движения, что ныне не как поглощающие языки пламени, а как созидающие пламена наших сердец могут предстать перед нашими душевными очами. Ибо повсюду из того, что является *духовным* содержанием антропософского движения, нас может привлечь и от нас потребовать тепло, тепло, которое может быть в состоянии бесчисленное множество семян, семян для духовной жизни будущего, именно на почве Дорнаха и всего, что к нему относится, его окружает, оживить. И бесчисленное множество семян будущего сможет благодаря тому теплу, которое может нас здесь окружить, начнёт всходить, так что однажды они как полноценные плоды благодаря тому, что мы для них хотим сделать, смогут предстать перед миром.

Все же сегодня более чем когда-либо мы можем помнить, что ни одно духовное движение подобное тому, которое мы охватываем именем антропософское движение, не родилось из земного произвола. И я хотел бы тотчас уже в самом начале нашей конференции начать с того, что направить внимание на то, что только что прошла последняя треть девятнадцатого столетия, когда с одной стороны еще набегали волны материализма и когда в этих волнах материализма открывалось с другой стороны мира величественное откровение – откровение духовного, которое тот, кто обладает восприимчивым душевным

строим, может воспринять от властей духовной жизни. Если откровение духовного раскрывается для человечества. И не из земного произвола, а из следования зову, прозвучавшему из духовного мира; не из земного произвола, а при взгляде на величественные образы, проистекающие из духовного мира как откровения нового времени для духовной жизни человечества, из этого проистек импульс для антропософского движения. Это антропософское движение не является земным служением, это антропософское движение является в своей целостности со всеми своими частностями служением Богам, богослужением. И правильное настроение для него мы встречаем, когда видим его в своей целостности таким богослужением. И таким мы хотим принять его в наши сердца в начале этой нашей конференции, хотим глубоко вписать в наши сердца, чтобы это антропософское движение могло связать душу каждого отдельного человека, посвятившего себя ему, с первоисточниками всего человеческого в духовном мире; чтобы это антропософское движение смогло привести человека к тому последнему утоляющему его пока в развитии человечества Земли просветлению, которое начавшееся откровение может облечь в слова: Да, это я в качестве человека, в качестве угодного Богу человека на Земле, в качестве угодного Богу человека в мироздании.

Соединимся сегодня с тем, с чем мы так охотно соединились уже в 1913 году. Здесь мы хотим вновь воспринять нить, мои дорогие друзья, и хотим в качестве высочайшего основного закона вписать в наши души для антропософского движения, которое свой покров должно иметь в Антропософском Обществе, чтобы все в нем было духо-желанным, чтобы оно хотело быть исполнением того, что знаки времени сияющими буквами говорят сердцам людей.

Только если мы сможем в таком виде сделать антропософское движение в нас самих нашим глубочайшим сердечным делом, Антропософское Общество выстоит. Если мы этого не сможем, оно не выстоит. Поскольку самое важное из всего, что здесь должно быть сделано в эти дни, может быть сделано во всех Ваших сердцах, мои дорогие друзья. То, что мы говорим и слышим, мы правильным образом поставим в исходную точку для развития антропософского дела, если только кровь наших сердец будет способна биться за это. И, собственно, на этих основаниях, мои дорогие друзья, мы позвали вас сюда, чтобы в подлинно антропософском смысле вызвать гармонию сердец. И мы надеемся, что именно это воззвание сможет быть правильным образом понято.

Мои дорогие друзья, вспомните только, как начиналось антропософское движение. Разнообразнейшим образом действовало в нем то, что должно было быть духовным откровением для подъема двадцатого столетия, и, не смотря на многое негативное, все же ведь на благо позитивное смогло здесь найти сильное выражение во вне, чтобы разнообразные формирования духовной жизни, которые благодаря тому или этому во внешнем обществе втекали во внутренние круги, действительно встретили сердца наших дорогих антропософских друзей. И мы смогли ведь тогда также в определенный момент времени продвинуться к тому, чтобы в мистериальных поэмах показать, как человеческое интимное, человеческие сердечные и душевные устремления связаны с великими космическими событиями и с великими историческими событиями человеческого развития. И я все же верю, что кое-что из того, что касается этой взаимосвязи отдельной человеческой души с душевно-духовно-божественным деланием в космосе, у наших друзей в течение милых и дорогих четырех-пяти лет, когда в Мюнхене были поставлены мистерии, прошло через души.

Затем пришло то, что все Вы знаете по его разрушающим деяниям: так называемая мировая война. Все усилия пошли на то, чтобы в это тяжелое время

вести антропософское дело так, чтобы оно могло пройти сквозь все препятствия и затруднения, которые с необходимостью должны были появиться в течение этой мировой войны.

Теперь ведь уже нельзя отрицать, что иное, что было сделано в силу неизбежности соотношений эпохи, было понято ложно и в кругах наших антропософских друзей. О тех настроениях, какие человечеством были так расщеплены во всевозможных человеческих группах в последнее десятилетие, о настроениях, которые вызвала эта мировая война, ведь только в будущем будет соответствующим образом приобретено суждение большим числом людей. Сегодня ведь обсуждают чудовищное, что среди нас всех живет именно как следствие этой мировой войны, еще и совершенно неправильным образом. Итак, уже можно сказать: известным образом даже Антропософское Общество – не движение – вышло расщепленным из мировой войны.

И затем наступает разное – на это уже указал наш дорогой друг господин Штеффен, – что в не менее вызывающим недоразумения образом было вставлено внутрь нашего Антропософского Общества. Но я хотел бы сегодня в существенном говорить только о позитивном. Я хотел бы обратить внимание на то, что если это собрание будет протекать правильным образом, если это собрание (*достаточно*) правильно осознает, как духовно-эзотерическое должно быть основой всех наших действий и нашего существа, тогда те духовные семена, которые здесь повсюду, обогретье Вашим настроением и Вашим энтузиазмом, смогут взойти. И сегодня мы хотим, чтобы нам также сопутствовало понимающее настроение, чтобы в нем поистине серьезно воспринять: внешнее является майей, иллюзией; из майи и иллюзии прорастает, до восторга – не для наших слабостей, для восторга нашими силами, для воли, которую мы хотим развернуть, – то, что может жить невидимо среди нас, то, что в многочисленных семенах может жить невидимо среди нас. Подготовьте, мои дорогие друзья, Ваши души, чтобы эти души восприняли эти семена; ибо Ваши души являются истинной основой и почвой для прорастания, для расцвета, для развития этих духовных семян. А они являются истиной. Они блестят как при солнечном свете, который освещает всю груду развалин, на которую падает наш внешний взор. Позволим глубочайшему требованию антропософского, вообще всего спиритуального именно сегодня сиять внутрь наших душ: вовне майя и иллюзия, во внутреннем – полностью раскрывшаяся истина, полностью раскрывшаяся божественная и духовная жизнь. *Антропософия должна жить как то, что в ней познается как истина.*

А когда мы живем учением о майе и о свете истины? Будем же жить ими прежде всего во время этого нашего Рождественского собрания, и дадим возможность во время этого нашего Рождественского собрания *вспышкам* мирового света пастухов, несущих в себе только бедность своих сердец, как и королевских магов, несущих в себе мудрость всего мира, позволим этому загорающемуся Рождественскому свету, Рождественскому мировому свету явиться внешне-чувственным образом для того, что должно произойти благодаря нашим собственным сердцам и душам!

То, что помимо этих слов еще может быть сказано, я должен буду сказать во время так называемой Закладки Камня Основы Антропософского Общества. Сейчас же хотел бы, мои дорогие друзья, сказать Вам: Я хотел бы сказать, что во мне глубоко в душе в последние недели появился вопрос: что собственно должно именно на этом Рождественском собрании быть взято за исходную точку и чему научил опыт десяти лет со времени возникновения Антропософского Общества?

И из всего этого, мои дорогие друзья, у меня появилась альтернатива. Я ведь на добром основании в 1912, 1913 годах сказал, что Антропософское Общество как таковое должно далее осуществлять свое руководство самостоятельно, далее оно должно само себя вести, и что я должен занять место советующего, который непосредственно в делах не должен отстраняться от решающих мер. Теперь сегодня дела обстоят так, что в последние недели после тяжелого внутреннего преодоления только сейчас во мне поднялось знание: для меня стало бы невозможным, вести дальше антропософское движение внутри Антропософского Общества, если это Рождественское собрание не будет согласно с тем, чтобы теперь вновь я сам возьму на себя во всех формах руководство и соответственно председательство в учреждаемом здесь в Дорнахе при Гетеануме Антропософском Обществе.

Ведь во время штуттгартской конференции именно мне было необходимо принять то тяжелое решение, чтобы дать совет разделить Общество в Германии на два Общества: продолжение старого Общества и основание нового, того самого Общества, в котором преимущественно должна была быть представлена молодежь - Свободное Антропософское Общество.

Я скажу вам, мои дорогие друзья, тогда это было тяжелым решением, дать такой совет. В своей основе это было тяжелым решением, поскольку в своей основе подобный совет противоречил всем основным устоям Антропософского Общества. Разве не оно, как объединение людей здесь в земном мире, должно было стать местом для того, чтобы молодежь, современная молодежь, чувствовала себя в нем всецело в безопасности! Это было аномалией. И, возможно, это было одним из значительнейших симптомов, приведших к решению, сказать Вам здесь, что дальше вести Антропософское движение я смогу только внутри Антропософского Общества, если я сам внутри Антропософского Общества, которое здесь должно быть вновь учреждено, смогу взять председательство на себя. Это ведь так, что со сменой столетий, глубоко, глубоко внутри духовных событий нечто произошло, нечто, что обнаружилось в своем воздействии на внешние события, в которых находятся на Земле люди.

Произошел один из самых величайших переворотов в духовной области. Он подготавливался в конце семидесятых годов, к своей кульминации он подошел именно на рубеже столетий. Древняя индийская мудрость указывала на него как на конец Кали Юги. Много, много, мои дорогие друзья, этим сказано. И когда в последнее время я самым разнообразным образом шел навстречу молодым друзьям во всех доступных мне странах мира, - всё снова и снова - я должен был сказать себе: То, что бьется в этих молодых сердцах, что таким прекрасным и часто таким неопределенным образом воспламеняется навстречу духовной деятельности, является внешним выражением того, что свершилось в самом глубочайшем внутреннем духовного мирового тканья в последней трети девятнадцатого столетия вплоть до настоящего времени двадцатого столетия. И, мои дорогие друзья, это не должно быть негативным, для меня является позитивным то, что я хочу теперь сказать: Часто, когда я шел навстречу именно молодежи, когда она вновь стремилась объединиться с тем или иным, то вновь и вновь форма объединения не подходила тому, что, собственно, хотелось. Тут все снова и снова находились те или иные условия, как должно было бы быть или что нужно было бы сделать, если должны стать членом такого объединения.

Видите ли, все это вместе свелось к ощущению, что основным недостатком Теософского Общества, из которого выросло Антропософское Общество, состоит в том, что сформулированы его три основные положения. Там нужно было заявить о своей принадлежности к чему-то. И по способу и образу, каким

уже должны были подписываться бланки о приеме, так чтобы это имело вес, нужно было чисто догматически заявить о своей принадлежности к чему-то, и это то, что абсолютно более не подходит основному построению человеческой души в наше время. Человеческая душа по ощущению отныне чужда любой догматике и в своей основе чужда любому сектантскому существу. И не нужно отрицать, что это сектантское существо трудно отбросить именно внутри Антропософского Общества. Оно, однако, должно быть отброшено. А также не позволительно никакой его жилочке быть в будущем внутри нового, учреждаемого Антропософского Общества. Оно должно быть действительно мировым сообществом. В нем должен тот, кто себя к нему присоединяет, иметь чувство: Да, тут я нахожу то, что меня волнует. Тут старый человек должен иметь ощущение: Тут я нахожу нечто, к чему я в течение моей жизни стремился в единении с другими людьми. Тут молодой человек должен иметь ощущение: Тут я нахожу нечто, что выступает навстречу моей молодости. – И я охотно как и в тот раз, когда было основано Свободное Антропософское Общество, и некоторым молодым людям я отвечал на вопрос: Что является условием приема в Свободное Антропософское Общество? – как и в тот раз я охотно ответил бы сегодня: Ничто иное не является условием, нежели то, чтобы быть действительно молодым в том смысле, в котором молод тогда, когда все импульсы современности наполняют эту молодую душу.

А как в правильном смысле, мои дорогие друзья, быть старым в Антропософском Обществе? – Когда есть сердце для того, что и для молодых и для старых как мировая юность бьет сегодня ключом из духовных подоснов в человечество, обновляя все наши области жизни.

Я обрисовываю Вам только в соответствии с настроением то, что меня склонило к тому, чтобы отныне взять на себя задачу, самому возглавить Антропософское Общество. Это Антропософское Общество – такое ведь часто происходит – уже нашло различные названия. Так, например, оно нашло название: Международное Антропософское Общество. Теперь, мои дорогие друзья, оно не должно быть международным (интернациональным), оно не должно быть национальным, и я хотел бы здесь высказать сердечную просьбу, никогда не использовать слова «международное общество», а говорить только о том, что есть *Всеобщее Антропософское Общество*, которое свое центральное место хочет иметь здесь при Гетеануме в Дорнахе. И Вы увидите, что Устав был составлен таким образом, чтобы всё соответствующее администрации, все, что когда-нибудь из самого себя могло бы дать повод обернуться бюрократией, из этого Устава убрано. Устав настроен на чисто человеческое. Он не настроен на принципы, он не настроен на догмы, но в этом Уставе сказано нечто, что чисто связано с фактическим и человеческим, мои дорогие друзья. В этом Уставе сказано: Здесь в Дорнахе существует Гетеанум. Этот Гетеанум известным образом организован. В этом Гетеануме пытаются выполнить ту или другую работу. В этом Гетеануме пытаются в той или иной степени способствовать развитию человечества. То, насколько правильно или неправильно может быть употреблено слово (положение), ничего такого в Уставе, который действительно выдержан в современном смысле, стоять не может. Сюда вставлен только один факт, что есть Гетеанум, что с этим Гётеанумом связаны люди, которые в этом Гетеануме то или другое делают и верят, что они этим делом способствуют развитию человечества.

От тех, кто хочет присоединиться к этому Обществу, в принципе не требуется ничего; хоть как-то догматично не установлены ни вероисповедание, ни научные убеждения, ни художественная направленность, а требуется только лишь исключительно то, чтобы он чувствовал себя в нем как дома, чтобы был связан с тем, что происходит в Гетеануме.

Как раз при формировании Устава была сделана попытка, из всего принципиального извлечь то, что должно быть здесь основано, и установить это на самое чистое человеческое. С этой точки зрения посмотрите на людей, которые предлагают Вам учредить Общество (о чем нужно будет заботиться здесь в самые ближайшие дни) можете ли Вы иметь к ним доверие или нет? И объявите на этом учредительном собрании, что Вы согласны с тем, что хочет осуществиться в Дорнахе: тогда Вы объявили бы фактическое, тогда Вы никоим образом не были бы связаны, тогда Вы объявили бы фактическое, исходя из своего ощущения. И тогда будет найдено все остальное. Да, найдется. Тогда не будет нужды иметь и с самого начала из Дорнаха выдвигать или назначать армию доверенных лиц, но тогда Антропософское Общество будет тем самым обществом, которое я нередко предвещал, когда мне к моему большому удовлетворению было позволено присутствовать при основании Обществ отдельных стран. Тогда Антропософское Общество будет тем, что на основе того, что было образовано в Обществах стран, может возникнуть в качестве самостоятельного.

Но тогда и эти Общества стран станут действительно автономными. Но тогда и каждая группа, которая образуется в этом Антропософском Обществе, будет действительно автономной.

Но чтобы нам встать на эту человеческую точку зрения, мои дорогие друзья, мы должны ясно понимать, что сегодня именно с Обществом, построенным на духовных основах способом, как я это представил, мы наталкиваемся на две трудности. Эти трудности мы должны здесь преодолеть, так чтобы они в будущем здесь более не имели места, как они имели место в прошлом Антропософского Общества.

Одна из трудностей такова: Сознание эпохи в настоящее время – каждый, кто это Сознание эпохи понимает правильно, с этим, как я полагаю, согласится, - требует для всего, что происходит, полной гласности. И создаваемому на прочных основах Обществу, прежде всего, не позволено нарушать это требование времени. Ведь кому-нибудь может даже очень нравиться, в том или другом и по внешней форме иметь право на тайну. Но как раз Общество, построенное подобно этому на основе истины, каждый раз, когда оно для себя будет всерьез притязать на такую тайну, войдет в противоречие с сознанием эпохи, и таким образом возникнут серьезнейшие препятствия для дальнейшего пути Общества. Поэтому мы не можем сегодня ничего другого, мои дорогие друзья, как для основывающегося Всеобщего Антропософского Общества иметь право на полную открытость.

Оно должно, как я уже изложил в одной из самых первых статей, которые появились в «Люцифер-Гнозис», как Антропософское Общество предстать перед миром так, как любое другое общество, основанное по чьему-либо желанию для естественных или подобных целей. Отличаться от всех других таких обществ оно должно только лишь тем, что как содержание протекает по его жилам. По форме того, каким образом встречаются люди, отличие от других обществ в будущем может и не возникнуть. Представьте только себе, что мы всё устрояем, когда с самого начала провозглашаем, что для Антропософского Общества мы признаем полную открытость.

Мы непременно должны стоять на почве действительности, что означает на почве современного сознания эпохи. Это, однако, обуславливает, мои дорогие друзья, что в будущем в отношении наших циклов будут совершенно иные правила продажи, нежели те, что были обычно в прошлом. История этих циклов является ведь трагичной главой в развитии нашего Антропософского Общества. С самого начала эти циклы появлялись в предположении, что они могут быть сохранены в известном кругу; они появлялись для тех, кто

относится к Антропософскому Обществу. Сегодня они уже длительное время в таком положении, что оппоненты в отношении внешней манифестации дела теперь интересуются нашими циклами намного больше, чем сами члены Антропософского Общества. Не внутренне, не поймите меня превратно, не внутренне. Внутренне этими циклами занимаются уже члены Антропософского Общества. Но это остается только внутренне, это остается лишь эгоизмом, хотя и более прекрасным, общественным эгоизмом. Интерес, выбрасывающий свои волны в мир, интерес, представляющий Общество перед миром, такой интерес сегодня проявляют противники циклов. И мы переживаем то, что сегодня цикл появляется, а через три недели цитируется в наихудшем враждебном журнале. Мы засовываем голову в песок и полагаем, что, поскольку у нас потемки, то и вовне, в мире, потемки, когда обращаемся с циклами лекций по-старому, привычным образом.

Поэтому передо мной, я сказал бы, уже несколько лет назад встал вопрос: Что, собственно, нужно делать с циклами? И сегодня нет никакой иной возможности, как пограничную стену, которую до сих пор хотелось установить *физически* и которая всюду насквозь пробита, эту пограничную стену установить *морально*.

Это я пытался сделать в наброске Устава. Циклы отныне и в будущем должны все без исключения продаваться открыто, точно так же как и другие книги. Но, мои дорогие друзья, представьте, что где-то имеется книга об интегрировании дифференциальных уравнений в частных производных. Такая книга для большого числа людей является чрезвычайно эзотерической, и возможно, я совсем не ошибусь, если эзотерический круг, который может плодотворно заниматься интегрированием дифференциальных уравнений в частных производных или линейных дифференциальных уравнений, сейчас внутри этих двух залов чрезвычайно мал. Можно именно этот очень маленький эзотерический круг выбрать для интегрирования линейных дифференциальных уравнений или уравнений в частных производных, но эту книгу можно продавать всем. Если, однако, придет кто-то, кто ни только ничего не понимает в дифференциальных уравнениях в частных производных, но вообще не умеет дифференцировать и интегрировать, кто, возможно, не знает о логарифмах ничего другого, кроме того, что есть такая книга логарифмов, которая принадлежит одному из его сыновей, - будучи отцом, о логарифмах он ничего не знает, но сыновья должны были изучать, что такое логарифмы, - и он смотрит в книгу логарифмов и видит там одно за другим числа и ничего из того не понимает. Сыновья же говорят ему, что это будто бы номера домов всех городов мира. Отец тогда может подумать: Ну, да, очень полезно, чтобы изучали такие вещи, ведь тогда, когда приедут в Париж, сразу будут знать какой номер у того или у другого дома.

Вы видите, это безопасно, если тот, кто ничего в деле не понимает, об этом деле судит. Разве что можно сказать: Он - дилетант, он - профан. И сама жизнь проведет границу в отношении способности или неспособности суждения.

Поэтому внутри нашего антропософского познания, по меньшей мере, может быть сделана попытка проводить в дальнейшем границу не физически, а морально. Мы будем продавать циклы всем, кто хочет их иметь, но с самого начала объясняем, кто на наш взгляд является компетентным для обсуждения этих циклов, чтобы мы на его суждение что-то ответили; все остальные в отношении циклов - профаны. И мы объясняем, что в будущем вообще не будем вступать в обсуждения, с которыми на циклы обрушиваются профаны. Это единственная моральная защита, которую мы можем найти. Мы будем доводить это до того, если только мы правильно её осуществим, чтобы наши дела понимались точно так же, как книги об интегрировании уравнений в

частных производных; так, чтобы люди постепенно признали, что, когда кто-либо, каким бы ученым он не был в других вещах, выносит суждение о циклах, абсурдно точно так же, как абсурдно и то, когда кто-то, кто ни разу не брал логарифм, выносит приговор и говорит: Это ведь неслыханный вздор, что говорится в этой книге об уравнениях в частных производных! – Мы должны будем довести это до того, чтобы могло быть правильным образом проведено также и различие между профаном и понимающим дело.

Далее, мои дорогие друзья, что нам готовит большие трудности, так это то, что не всюду действующая радикальным образом импульсивность антропософского движения оценивается правильным образом. Можно запросто там или тут услышать суждения, которые всецело отрицают антропософское движение тем, что ставят его в параллель с тем, что для развития человечества благодаря ему должно быть заменено. Не далее как в последние дни произошло так, что кто-то сказал мне: если от тех или других людей скрыть то, что это дано Антропософией, тогда оно может быть принято даже самыми закоренелыми практиками; только не следует им говорить об антропософии и социальной трехчленности, это следовало бы отрицать.- Видите ли, это нечто, о чем многие проявляли заботу многие годы. Это наифальшивейшее из того, что мы можем сделать. Мы должны всюду под знаком абсолютной истины, в какой бы области это ни было, выступать в мире как представители Антропософского Общества, и мы должны будем сознаться себе, что в той мере, в которой мы этого не можем, мы, собственно, не можем способствовать как раз антропософскому движению. Все завуалированные выступления для антропософского движение в конце концов добром не заканчиваются.

Естественно, в подобных делах все индивидуально. Не может все измеряться одним шаблоном, но то, что, собственно, я имею в виду, является таковым. Я хочу на нескольких примерах пояснить, что я имею в виду.

Итак, эвритмия. Эвритмия, как я ведь это уже вчера в начале эвритмического представления сказал, действительно извлечена и о ней проявлена забота из глубочайших подоснов антропософского существа. И необходимо сознавать то, что с эвритмией, какой бы несовершенной она еще сегодня ни была, в мир вставлено нечто, что является совершенно изначальным, первичным, что ни в коей мере нельзя сравнивать с чем-нибудь другим, что внешне похожим выступает сегодня в мире. Мы должны для нашего дела проявить такой энтузиазм, чтобы исключить крайне-поверхностные возможности сравнения. Я знаю, как подобное положение может вызывать недоразумения, но я все же высказываю его здесь в Вашем кругу, мои дорогие друзья; ибо оно выражает основные предпосылки для процветания антропософского движения в Антропософском Обществе.

Точно также, например, в последнее время я должен был попотеть кровью, я хотел бы сказать, - это, естественно, мыслиться символически - о всевозможных дискуссиях о той форме рецитации и декламации, какую в нашем Обществе развивает фрау д-р Штайнер. Так же как и в случае эвритмии, основной нерв этой декламации и рецитации является таковым, что он извлечен и о нем заботились, исходя из антропософских основ, и на этот основной нерв необходимо настраиваться. Его необходимо познавать, и не следует думать, что если где-то появляются какие-либо обрывочные суждения о том, что будто бы хорошо или даже лучше в других подобных формированиях, то это другое (формирование) произошло из лучшего. Эта изначальность, эта первичность должна осознаваться нами во всех наших областях.

Третий пример: Одна из тех областей, где Антропософия может быть особенно плодотворной, это область медицины. Безусловно, Антропософия для медицинского, а именно для терапии, будет оставаться бесплодной, если возникнет тенденция внутри медицинских предприятий в антропософском движении оттеснить Антропософию на задний план и нечто по медицинской части нашего дела представить так, чтобы мы понравились тем, кто с современной точки зрения представляет медицину. Мы должны со всем куражом вносить Антропософию во все отдельные части, и в медицину. Только тогда мы справимся так, как мы должны справиться в отношении самой Антропософии в более узком смысле с тем, что должно быть эвритмией, с тем, что должно быть рецитацией и декламацией, с тем, что должно быть медициной, и многим другим, что как отдельные части живут внутри нашего Антропософского Общества.

Видите, этим я по крайней мере обрисовал Вам основные условия, которые в исходной точке нашей конференции должны быть установлены нашими сердцами для основания Всеобщего Антропософского Общества. Оно должно в обрисованном смысле быть обществом образа мыслей, а не обществом уставных положений. Устав должен лишь внешне выражать то, что живо в душах.

И я хотел бы теперь все же предложить Устав для прочтения, которое ориентировано в направлении, как я теперь, конечно, только бегло здесь обрисовал:

"Устав Антропософского Общества"

1. «Антропософское Общество должно быть объединением людей, которые хотят заботиться о душевной жизни в отдельном человеке и в человеческом обществе на основе истинного познания духовного мира».

2. Стержень этого Общества образуют личности, собравшиеся в Рождественское время 1923 года в Гетеануме в Дорнахе, которым дано право представлять собой как отдельных лиц, так и группы. Они пронизаны воззрением, что в настоящее время уже есть наука о духовном мире, и что современной цивилизации недостает заботы (попечение) о такой науке. У Антропософского Общества такая забота должна быть его задачей. Оно будет пытаться решать эту задачу так, что сделает антропософскую духовную науку, о которой заботятся в Гетеануме в Дорнахе, с ее результатами для братства в человеческой совместной жизни, для моральной и религиозной, а также для художественной и общей духовной жизни в человеческом существе центром своих устремлений".

Заметьте, мои дорогие друзья, как тем самым построение произведено не на основополагающих положениях, а на людях, тех самых людях, которые здесь собрались. А что будут заявлять другие люди, которые присоединятся? Что они по существу с этими людьми в отношении того, что здесь стоит, согласны. Так, несмотря на все абстракции, это Антропософское общество строится на людях.

3. «Личности, собравшиеся в Дорнахе в качестве стержня Общества», - видите, всюду личности, прибывшие сюда - «признают, соглашаясь, воззрение руководства Гетеанума, представленного образованным на учредительном собрании Правлением, в отношении следующего: «Антропософия, о которой заботятся в Гетеануме, ведет к результатам, которые могут служить побуждением для духовной жизни каждому человеку без различия

национальности, сословия, религии. Они могут привести к социальной жизни, действительно построенной на братской любви. Овладение ею как жизненной основой не связано со степенью научного образования, а только с непредвзятым человеческим существом».

Тем самым выражено, что то, что здесь появляется в качестве результата, понятно всем людям в том смысле, если навстречу ему может выступить непредвзятая человеческая душа.

Однако есть нечто иное, и оно тотчас находит выражение, при исследовании того, что приводит к этим результатам. Это исследование должно быть строго распознано. Это означает следующее:

«Ее исследование и правомерное обсуждение результатов ее исследования требуют, однако, духовно-научного обучения, которого можно достигнуть постепенно. Эти результаты в своем роде столь же точны, как и результаты истинного естествознания. Когда они тем же самым способом, как и последние, достигнут общего признания, они приведут к таким же успехам как и последние во всех областях жизни, не только в духовной, но также и в практической области».

4. «Антропософское общество - не тайное общество, а совершенно открытое. Его членом может стать каждый, без различия национальности, сословия, религии, научного или художественного убеждения, кто видит нечто правомерное в наличии такого учреждения, каким является Гетеанум в Дорнахе в качестве Свободной Высшей Школы Духовной науки».

Видите, мои дорогие друзья, была употреблена даже осторожность, чтобы ни разу здесь, где от этого точно должно зависеть, в результате чего можно стать членом Общества, здесь ни разу не было сказано, что тот, кто хочет стать членом, видит нечто правомерное в наличии Гетеанума, а только «такого учреждения, каким является Гетеанум в Дорнахе в качестве Свободной Высшей Школы Духовной науки». - Вы должны все отдельные обороты этого наброска Устава основательно обдумать. Он краток, Устав должен быть кратким, он не должен представлять собой книгу; но Вы увидите, что была сделана попытка каждый отдельный оборот дать так, чтобы он был написан, исходя из непосредственного сознания.

«Общество отклоняет всякое сектантское устремление. Политику оно рассматривает как не принадлежащую к числу своих задач».

Это положение нам нужно, так как многочисленные недоразумения возникли из-за неясного поведения многих наших членов во времена трехчленности. Антропософия многократно выглядела так, будто бы она хотела вмешаться в политические дела мира, - что она никогда не делала, никогда не может делать - из-за того, что нашими друзьями дело трехчленности было многократно доведено до политических партий, что с самого начала было ошибкой этих друзей.

5. «Антропософское общество видит центр своего действия в Свободной Высшей Школе Духовной науки в Дорнахе. Эта школа будет состоять из трех классов».

Пожалуйста, не ужасайтесь по поводу этих трех классов, мои дорогие друзья. Три класса были изначально в Антропософском Обществе уже тогда, только в другой форме, вплоть до 1914 года.

«В нее принимаются по своему заявлению члены Общества, после того, как они будут являться членами Общества определенное руководством Гётеанума время. В результате они поступают в первый класс Свободной Высшей Школы

Духовной науки. Прием во второй и, соответственно, в третий классы следует, если ходатайствующие об этом признаются подходящими руководством Гётеанума»

6. «Каждый член Антропософского общества имеет право участвовать во всех устраиваемых Обществом лекциях, иных мероприятиях и собраниях на условиях, объявляемых Правлением».

7. «Руководство Свободной Высшей Школы Духовной науки принадлежит прежде всего Рудольфу Штайнеру, который должен назначить своих сотрудников и своего возможного преемника».

Я уже здесь отмечал, что я намереваюсь эту Свободную Высшую Школу Духовной науки в будущем разделить на отдельные секции, для руководства которыми я затем приглашу подходящих для этого личностей. Эти подходящие личности, которые будут руководить Свободной Высшей Школой Духовной науки в Дорнахе в отдельных секциях, будут одновременно советниками в Правлении, которое предстоит сформировать и котором я сейчас вслед за этим буду говорить.

8. «Все публикации Общества будут открытыми в том же роде как и публикации иных открытых обществ. В отношении этой открытости публикации Свободной Высшей Школы Духовной науки не составляют исключения.» - циклы будут в будущем обозначены: публикации Свободной Высшей Школой Духовной науки; - «но руководство Школы оставляет за собой право оспаривать правомерность всякого суждения об этих трудах, не опирающегося на обучение, из которого они проистекают. В этом смысле оно не признает правомерность никаких суждений, не основанных на предварительной подготовке, как это происходит обычно в признанном научном мире. Поэтому труды Свободной Высшей Школы Духовной науки» - это будет в будущем иметь место для циклов - «содержат следующую пометку: «Отпечатано на правах рукописи для членов Свободной Высшей Школы Духовной науки, Гетеанум, класс ... Компетентное суждение об этих трудах не вправе иметь никто, кто не приобрел об этой школе действительного предварительного познания благодаря ей или способом, который она сама признала равнозначным.»

Купить может каждый; судить может лишь тот, кто принадлежит к соответствующему классу, который стоит тут, где напечатана пометка: «Отпечатано на правах рукописи для членов Свободной Высшей Школы Духовной науки, Гетеанум, класс ...»

«Другие обсуждения отклоняются, поскольку автор соответствующих трудов ни в какие дискуссии о них не вступает».

9. «Цель Антропософского общества - содействовать исследованию в духовной области, цель Свободной Высшей Школы Духовной науки - само это исследование. Догматизм в какой-либо области из Антропософского общества должен быть исключен»

10. «Антропософское общество каждый год в начале года проводит в Гетеануме очередное годовое собрание, на котором Правление дает полный отчет. Правление извещает о повестке дня этого собрания с приглашением всех членов за три недели до съезда»

Об этом ведь могут быть приняты решения.

Внеочередные собрания может созывать Правление и оно может устанавливать для них повестку дня. За три недели до этого оно должно разослать приглашения к членам. Предложения от отдельных членов или групп должны быть присланы за неделю до съезда.»

Здесь речь пойдет о том, чтобы добавить ещё один пункт, чтобы и со стороны членов могли быть потребованы Внеочередные собрания.

11. «Члены могут объединяться по месту или роду занятий в меньшие или большие группы.»

Для Всеобщего Общества все группы, и группы стран, содержатся в этом параграфе. Всеобщее общество не интернациональное, не национальное, оно – общечеловеческое, а всё другое по отношению к нему является группой. Благодаря этому мы действительно получаем основанную на свободе жизнь в Антропософском Обществе и также всюду, где хочет развернуться, исходя из него, автономная жизнь. Иначе мы дальше не пройдем.

«Антропософское общество имеет свое местопребывание в Гетеануме. Отсюда Правление должно сообщать членам или группам членов то, в чем оно видит задачу Общества.»

Это положение, мои дорогие друзья, совсем особой важности, так как в нем содержится то, как вообще понимается Правление. *Оно не понимается как нечто наделенное властью*, оно понимается как группа людей, которая здесь говорит: Мы хотим здесь при Гетеануме нечто делать и будем по поводу того или этого, что мы делаем, с теми, кто этого в качестве отдельных членов или в качестве групп хочет, вступать в отношения; мы будем каждого отдельного члена или каждую группу, которые признают этот Устав и могут объявить о согласии с этим Уставом, признавать в качестве членов.

Тем самым это Правление объявляет, что оно самым свободным образом вставлено в Общество; что оно, следовательно не хочет быть ничем иным, как группой лиц с инициативой для антропософского дела. А это изживание инициативы для антропософского дела, оно с необходимостью будет сердечной кровью этого Правления. Следовательно, оно не является *in abstracto* представительством от людей, а является представителем *антропософского дела* здесь при Гетеануме; его задача – представлять антропософское дело здесь при Гетеануме. И заявить о своей принадлежности к нему, быть членом Общества, таковым хочет слыть это Правление, что и означает, присоединиться к *подъему антропософского дела*. Это было задумано всецело общечеловеческим, всецело свободный способ в будущем в отношениях между членством и Правлением. К этому мы как раз ещё не подошли; это мы должны представить перед всем миром. Тогда не появятся более подобные лайзеганговым суждения, что, мол, самовольное Правление в последние десять лет устояло благодаря своему собственному назначению, поскольку оно никогда не избиралось. Необходимо с самого начала подчеркнуть факт, что собственно *выборы* в Антропософском Обществе *невозможны, а возможна только инициатива*. Итак, Правление:

«Оно вступает в общение с ответственными членами, которые выбираются или назначаются отдельными группами»

Как это осуществится, является делом Устава отдельных групп. Для нас здесь речь будет идти исключительно о том, чтобы мы из основ, которых мы будем добиваться, совершенно доверительно захотим вести переговоры с этими ответственными членами.

«Отдельные группы заботятся о приеме членов; но подтверждение приема должно быть предоставлено Правлению в Дорнахе и подписано им на основе доверия к ответственным членам групп. В общем случае каждый член должен присоединиться к группе; только тот, кому совершенно невозможно найти прием в группе, должен сам получить себе разрешение на прием в качестве члена в Дорнахе»

12. «Членский взнос определяется отдельными группами; все же каждая группа должна за каждого своего члена вносить ... в центральное руководство при Гетеануме»

Я ввёл сюда этот пункт, несмотря на то, что у меня уже есть некоторое воззрение на него, которое при случае будет также позднее защищено; но, прежде всего, я ввёл сюда этот пункт, чтобы к обсуждению завтра могло состояться насколько это возможно самое широкое обдумывание. Ибо мы будем нуждаться здесь и в деньгах. Идеализм не может состоять в том, - я это часто уже высказывал - что говорят: Ах, вовсе нет ничего более ужасно ариманического, чем деньги, которым совершенно нельзя позволять касаться идеалов. Левая рука на кошельке с деньгами, правая поднимается к идеалам! - Нужно же хоть однажды сделать неудобное движение правой рукой в левый карман с деньгами: чтобы так высоко держать идеалы, приносят для них маленькие жертвы.

«13. Каждая рабочая группа составляет свой собственный Устав, только он не должен противоречить Уставу Антропософского общества»

«14. Печатным органом Общества является еженедельный журнал «Гетеанум», снабженный для этой цели приложением, которое должно содержать официальные сообщения Общества. Это расширенное издание «Гетеанума» вручается только членам Антропософского общества»

Это параграф, который мне также особенно по сердцу, так как всюду, куда я входил, я встречался с тем, что компетентные члены говорили: Совсем ничего не слышно о том, что, собственно, происходит в Антропософском Обществе. - Мы будем посредством именно этого учреждения вести добросовестную переписку, которая все все больше и больше будет становиться перепиской с каждым отдельным членом, и именно благодаря этому смогут жить целиком внутри Антропософского Общества.

Теперь я должен Вам, мои дорогие друзья, в случае, если обдумаете придете к решению, согласиться предпосылкой, что я сам принимая на себя председательство в Антропософском Обществе, предложить еще и Правление, которое представляют те, с кем я фактически смогу исполнить задачи, которые я по крайней мере эскизно здесь Вам обрисовал.

Членами Правления для действительного фактического руководства антропософским делом должны быть такие личности, которые находятся здесь в Дорнахе. В Обществе, как оно задумывалось мною, Правление не может собираться со всего мира. Это не послужит препятствием тому, что отдельные группы будут выбирать своих ответственных членов в своей автономии. И если эти ответственные члена будут прибывать сюда в Дорнах, они будут во время своего пребывания, приняты на заседания Правления в качестве советников. И таким образом во все дело должна входить жизнь, не бюрократически рассеянное по всему миру Правление, а для малых групп несущие ответственность активные члены, которые сами из групп, которые, в любое время, однако, будут иметь возможность в самой полной мере чувствовать себя равноправными членами Правления, локализованного все же в Дорнахе. О работе, однако, должно заботиться Правление здесь в Дорнахе.

Ну и членами Правления, само собой разумеется, должны быть те, кто свою жизнь без остатка посвятил антропософскому делу и внешне и внутренне. И в результате длительных размышлений последних недель разрешите мне предложить Вам в качестве Правления следующих личностей:

Я полагаю, что ни только нигде не будет хоть чего-то, похожего на едва слышные возражения, но во всех сердцах поднимется самое полное, самое

безраздельное одобрение, когда я предложу Вам на место заместителя Председателя Правления господина *Альберта Штеффена*. (Оживленные аплодисменты)

Тем самым одновременно в Правлении нашло свое выражение то, на что я сегодня уже указывал: наша связь в качестве Антропософского Общества со Швейцарией. И я выскажу Вам свое убеждение, я хотел бы сказать, десятикратно увеличенными словами, говоря: Если речь идет о том, чтобы одного швейцарца со всей его силой иметь здесь в Антропософском Обществе в качестве члена Правления и в качестве заместителя председателя Правления, то лучшего швейцарца не найти.

Затем речь пойдет о том, чтобы в правлении иметь личность, которая с самого начала связана с Антропософским Обществом, которая в значительной мере строила Антропософское Общество и сегодня действует в одной из важнейших областей именно в антропософском роде внутри Антропософского Общества: фр. д-р. Штайнер. (Оживленные аплодисменты).

Вы всё сказали и тем самым ясно выразили, что нам ведь совсем не нужно бояться, что наш какой-либо выбор в этом отношении (направлении) будет встречен неправильно.

В качестве следующего члена Правления я должен вам предложить, исходя именно из фактов последних недель здесь, ту самую личность, с которой я в настоящее время поистине имел возможность испытать антропософский энтузиазм правильным образом посредством того, что совместно с ней разработал медицинскую систему Антропософии: фрау д-р. *Ита Вегман* (Оживленные аплодисменты)

Она ведь благодаря своей работе - и именно благодаря пониманию своей работы - показала, что она в этой специальной области может правильным образом привести Антропософию к признанию. И я знаю, что это будет действовать благословляющее. Поэтому я и предпринял в содружестве с фрау др. Вегман разработку для ближайшего будущего уже антропософской системы медицины. Это предстанет воочию перед миром, и тогда мы ведь увидим, что мы именно в членах, работающих подобным образом, имеем истинных друзей Антропософского Общества.

Далее я должен Вам представить члена, который в Дорнахской работе действительно и в большом и в самом малом вплоть до точки над *i* испробован и всегда оказывался надежным членом. Члены Правления ведь действительно, собственно, как я полагаю, - это не может быть самолюбованием - выбраны правильно. Альберт Штеффен был уже антропософом до своего рождения, это необходимо за ним признать. Фрау д-р. Штайнер, само собой разумеется, всегда была антропософом со времени существования Антропософского Общества. Один из старейших членов, который вслед за нами вступил в самое первое время, это фрау д-р. Вегман; Она здесь в зале за исключением нас самих самый старый член. Точно также и самый старый член та самая личность, о которой я думаю которая действительно вплоть до точки над *i* была испытана здесь как самый надежный сотрудник, с которым Вы также вплоть до точки над *i* можете быть согласны, - фрейлейн др. *Лили Вреде* (Аплодисменты)

Теперь в Антропософском Правлении нам нужна еще одна личность, которая снимет с нас много забот, которые мы все сами не смогли бы поднять, поскольку ведь инициативы должны быть разделены, а нужен один, кто должен думать о всех. Это необходимо и тогда, когда другие (это также не должно быть самолюбованием) уже заняты, иметь немного просветленных голов в антропософских делах - а нужен один, кто, так сказать, будет не сталкивать головы, а держать их вместе. Это будет личность, которая ведь во

многих отношениях прежде всего во многом проверена и о которой я думаю, что она выдержит все испытания. Это будет наш дорогой д-р. *Гюнтер Ваксмут*, который ведь действительно во всем, что он здесь для нас исполнил, показал себя в целом ряде проверок и показал, что он может взаимодействовать самым гармоничным образом. Им постепенно со временем будут все поистине довольны. Я прошу и с д-ром Гюнтером Ваксмутом – он не хочет быть кассиром, но должен исполнять у нас функции секретаря и казначея – согласиться. (Аплодисменты)

Правление должно быть маленьким, поэтому, мои дорогие друзья, список завершен. И подошло к концу наше время до обеда. Позвольте мне ещё раз высказать просьбу, чтобы мы все хотели потрудиться, прежде всего иметь на этом собрании настроение и настроение и ещё раз настроение. Из этого настроения, из этого антропософского настроения изойдет то, в чем мы нуждаемся в ближайшие дни. И если мы будем иметь это в ближайшие дни, мы будем иметь это и будущие времена, в которые мы войдем следом за Антропософским Обществом. Я обратился к Вашим сердцам, к тому из Вашей мудрости, что может быть Вашими сердцами воспламенено, усиленно с энтузиазмом действовать (энтузиазмировать). Да станет для нас возможным пронести это воспламенение, это тепло, этот энтузиазм через последующие собрания и благодаря этому исполнить в эти ближайшие дни нечто поистине плодотворное.